

К 536/425

К Р О К О Д И Л



КУКРЫНИКСЫ 42

Проводник по Кавказу.

Рис. Кукрыниксы

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Партизаны Калининской области истребили немецкий карательный отряд. У убитого немецкого офицера найден приказ полковника Шайхенбауэра: «После операции по уничтожению партизан части собираются на окраине П. и проходят по местечку с песнями».

Рис. Л. Бродаты



— Вы просите песен?... Их нет у меня...

Встреча двух Суворовых

Целый день шел неравный бой автоматчика Суворова с большой группой фашистов. Семь ранений получил он в бою. Истекая кровью, красноармеец Суворов продолжал истреблять гитлеровцев. Ночью санитары вытащили из-под фашистского огня раненого бойца. Около его окопа лежало 22 трупа немецких солдат.

Лежал на госпитальной койке
Семь раз простреленный боец.
Жег тело вражеский свинец,
Но боль переносил он стойко.
Все восхищались: «Молодец!»
И вдруг его лицо скосило.
Им овладел невольный страх,
Он приподнялся на руках
И вновь упал. Какая сила
Сразила не сраженного в боях?
Портрет, висевший в старой раме,
Внезапно ожил...
И сошел
На свежьюкрашенный пол
Суровый воин с орденами,
Которые в баталиях обрел.

Нагрянул, как землетрясенье,
Среди полнотной тишины.
То был Суворов, бог войны,
Не знавший в жизни поражений,
Ковавший славу для страны.
Глаза орлиные прищурил,
Как будто бы взводя курок,
Он бросил на ходу кивок,
Пронесся по палате бурей,
Блестя раструбами сапог,
И прямо к раненому: — Братец!
Ведь ты однофамилец мне.
Хвалю за доблесть! На войне
Тот кровь свою не даром тратит,
Кто платит неприятелю вдвойне.
А ты один, как древний витязь,
Сражался с полчищем врагов,
Их пало двадцать два. Таков
Итог борьбы. Так и деритесь
За землю дедов и ютцов.
Воюют не числом — умением.
Я этому солдат учил.
И знал мой каждый нижний чин:
Выигрывает тот сраженьем,

Кто не страшится величин.
Я верю в мудрость поговорок,
Но верь ты опыту седина
Воюет в поле и один,
Когда есть мужество в груди.
Таких — и пуля не повалит,
Таких — и меч не рассекает,
Такие пруссаков бивали
И вновь побьют не раз еще!
Не ради имени родного
Стою я здесь перед тобой.
Меня привел поступок твой.
Не должен знать пути иного
Ни генерал, ни рядовой.
Россию не окинуть взором,
Но за клочок земли родной
Мы отвечаем головой...
...Протер глаза боец Суворов.
Эй, кто там? Тихо. Спит палата,
Глядит фельдмаршал со стены.
Подумал автоматчик виновато:
«Приснятся же такие сны!»

Иосиф КИСЕЛЕВ

Действующая армия.

Однажды осенью...

Рис. Б. Клинча

Многие германские города превращены в сплошные госпитали.

ДОЛЖЕН тебе сказать, товарищ корреспондент, что хотя я и морской пехотинец, но боюсь. Страшно боюсь вашего брата. Вам скажешь одно слово, а в газете получится десять.

Так что давай условимся: то, что я тебе расскажу, ты пиши ясно и коротко, без прикрас и добавлений. И второе: то, что я расскажу,— было.

А было акурат год назад. И тоже в воскресенье. Раньше-то мы, бывало, перед берегом кортики драили так, чтоб всем девчатам глаза слепило. А другой, глядишь, и форму новую наденет.

Но год назад мы вовсе не думали о кортиках. Ножи были у нас апрофейные. Мы с Григорием три дня этими ножами цветную капусту резали, только ею одной, пропятай, и питались. Лежим, понимаешь, то ли в оранже-рее, то ли в саду, около самой дороги. Было нас девять, осталось двое: я да Гриша. Харчей нет. Табаку нет. Горючее выпито.

А у дороги мы лежим, потому что фрицы думают, что эта дорога настоящая, нужная нам дорога. И думают они, что мы ее охраняем. А дорога нужна, как шлюшке хвостик.

Вот фрицы стараются-стараются, стучат из минометов, из пулеметов тарыхтят. Замолчат фрицы, мы немножко постреляем. А немножко потому, что боезапас-то уже наисходе. Ведь третьи сутки обманываем немчуру, пока наша часть другой дорогой за балкой пользуется. Но думается нам, что часть уже пропала. Но знать мы об этом не знаем, приказа уйти не получали. Ну и лежим. Окопались, ремни подтянули. Полеживаем да постреляем. Григорий и говорит:

— А известно ли вам, товарищ Богуля, что есть «Мартейль»?

— Постой,— говорю,— вот я того фрица сниму. Больно он любопытный, головку поднимает. Сниму, тогда и разгадаю ваш кросс-ворд.

Не успел я это сказать, как Гришка уже хлой, и немец навсегда прилет.

Тут Григорий, не торопясь, делает девяносто восьмую зарубочку на прикладе и объясняет:

— Которые не хвастуны, они знают, что «Мартейль» есть французский коньяк с пятью, а может, и семью звездочками.

Я говорю:

— При чем здесь вообще этот разговор? Григорий отвечает:

— Я к тому, что у меня в левом кармане имеется четвертинка французского коньяку вышеозначенной фирмы с этикеткой и со звездочками. И разопьем мы с вами эту посудину через четыре с половиной часа, то есть точно в годовщину с того момента, когда нас командир крейсера с первыми орденами поздравил.

— Даже странно,— говорю,— Григорий Иванович, что вы можете разыгрывать своего любимого, между прочим, товарища на такую ответственную тему.

Мой басок взволновал фрицев, они опять давай садить по нас. Мины начали рваться все ближе и ближе. Одна рванула рядом с Гришкой. Неужели Гришки не стало? Но тут застрекотал автомат моего товарища, я понял: Григорий жив.

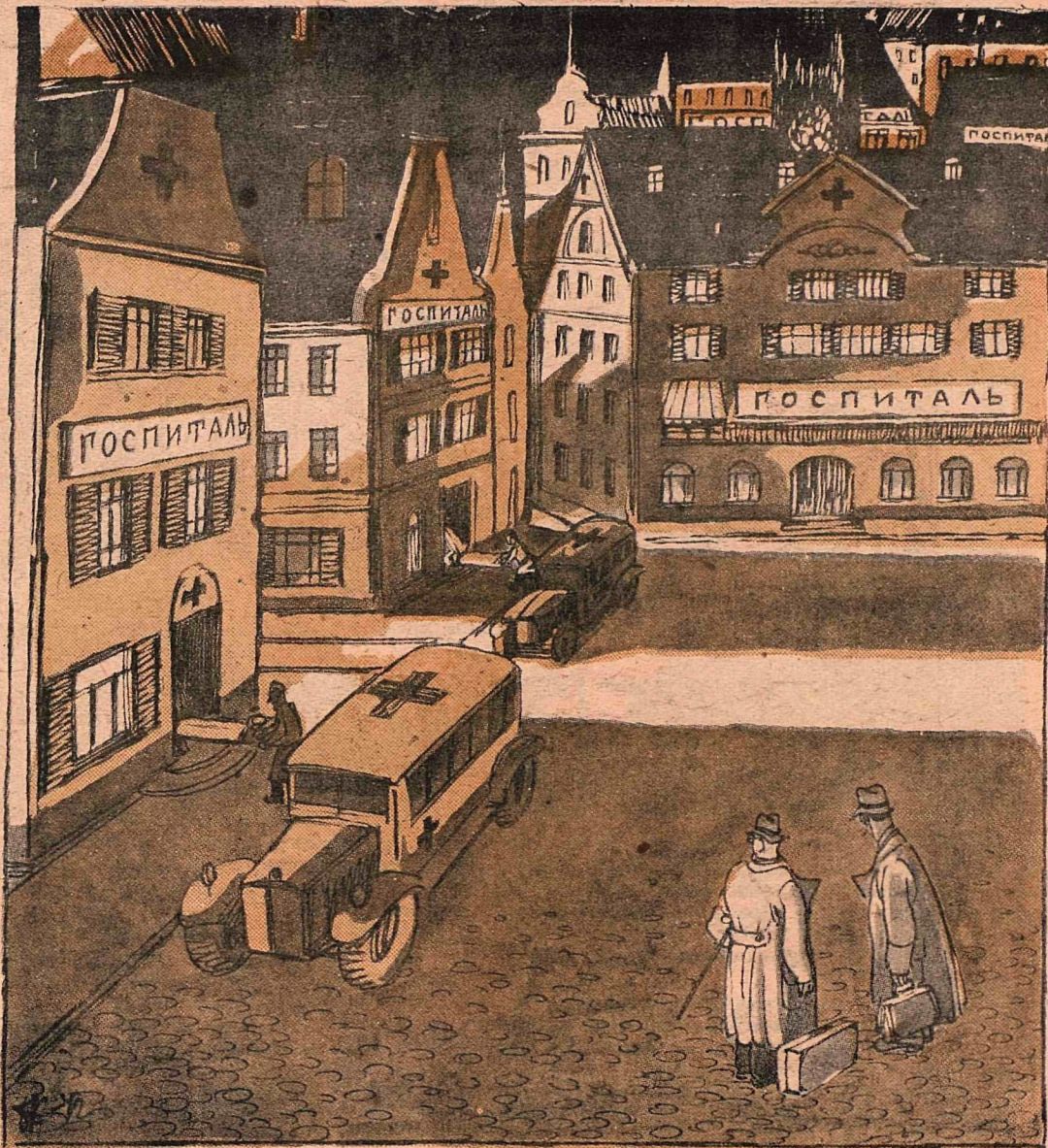
Немцы опять начали перетаскивать раненых, что-то забормотали, закричали. Мы только одно расслышали: «Щурюк!»

— Гриша! Это неправильное отношение к вопросу. Никаких «щурюк». Нечего им тут ходить, а то еще поймут, что дорога фальшивая. Как ты считаешь?

Тут Гриша сказал, что он считает. Надо тебе сказать, товарищ корреспондент, что я сам специалист по этой части русского языка, но о такой комбинации я еще никогда не слышал.

Мы подзарядились, взяли гранаты и переманули через блиндаж. И пошли. Автоматы наши работали, как черти. Казалось, каждая пуля знает, куда летит.

Миномет, сволочи, испортили. А жалко, ми-



— Войти, видно, в свою квартиру можно только через русский фронт.

ны еще были. Но пулеметик я взял на себя, потому что автомат мой маленько повредился от неосторожности обращения: я им трех немцев тюкнул.

— Как интеллигентным людям, кушающим цветную капусту,— говорит мне Григорий,— нам бы сейчас, домой податься. Но, к сожалению, сделать этого мы не можем. Надо изображать опять страшную войну и пострелять, чтобы пришла какая-нибудь немчура.

Не успели мы зарыться, как рыбка снова клонула, да еще какая, жиренькая, со скрещенными гадючками на пилотках. Одним словом, эсэсовцы.

Я и говорю Григорию:

— Гриша, фрицы что-то задумали. Смотри, они перегруппировываются и уже минут пятнадцать, как не стреляют. Как бы не пришлось им наш коньяк пить. А, Григорий?

— Верно,— отвечает мне друг.— Давай выпьем сейчас.

Я всегда удивлялся—провизором, что ли, он родился или, там, за аптекаршей ухаживал в ранней молодости: математически делил жидкость, а, скажем, крупу или сахар—это он не умел.

Выпили. Не закусили, а поцеловались...

И тут начался бой. Бандиты-то в сторону отползли, оказывается, для того, чтобы отвлечь наше внимание. А с фланга на нас на двоих три танка пошли.

— Какой неинтересный оборот получается. Григорий Иванович,— говорю я.— Честь такая, конечно, дорога: на двоих балтийцев да три танка...

Григорий говорит:

— Помолчи, если умеешь, сейчас кое-что увидишь.

Только он это сказал, как один танк бух—и встал. А двое бочком-бочком, да в сторону. Оказывается, Гриша-то, откуда я ожидался, мины-то немецкие пристроил, уложил так акуратенько вместе с толовыми шашками, да и дерюгом прикрыл.

— Что же ты,— я говорю,— чорт, не сказал?

— Я,— говорит,— в отличие от некоторых моих знакомых немногословен.

Мы опять застрочили. А тут и наши подошли. Как немец-то «КВ» увидел,— у него полное расстройство, смятение. И начали они давать «щурюк» в самом красивом виде. Но далеко не ушли. Так навсегда в степи кубанской и остались.

И все было хорошо. Но тут случилось такое, что я себе никогда не прощу. Не видел я, как его убило. Заряжал автомат, обернулся, а Григорий лежит, раскинув руки: шальная пуля!

Мы похоронили нашего Григория на том месте, где он умер. Написали: «Здесь лежит морской пехотинец главный старшина Григорий Нылов. Он убил 109 гитлеровцев и ценой своей жизни обеспечил переход части на новый рубеж».

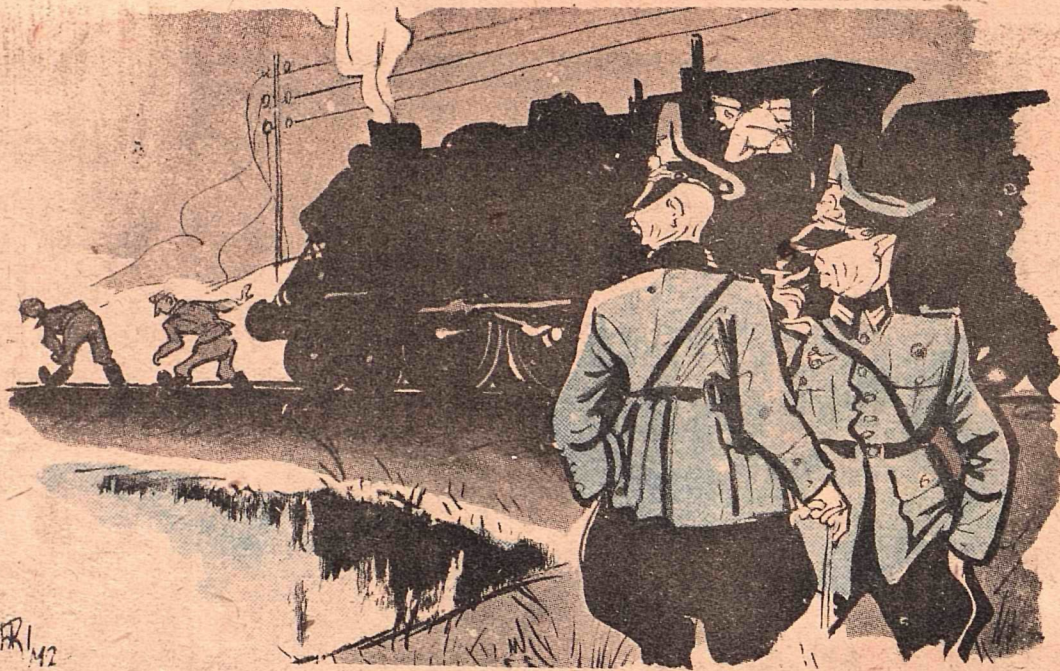
...Такие-то дела, товарищ корреспондент, были. Вот видишь, опять я в Москве. Тот раз за Балтику, а нынче за степь кубанскую получил. А Григорию посмертно звание Героя Советского Союза присвоили. И жив он будет в своих подвигах вечно.

Я слышал, корреспонденты всегда хорошие папиросы носят. Давай закурим...

Б. РАФАЛОВИЧ.

Действующая армия.

Рис. Б. Клинча



— Теперь мы доведем, господин полковник. Солдаты проверяют каждую шпалу.
— Но пусть они двигаются быстрее. Ведь поезд-то — скорый.

Пленный

В ПЕРЕДИ, свирепо выкатив глаза, шел пожилой немецкий солдат с какими-то значками и выкрутасами на петлицах. За ним, высоко подняв стриженую голову, шагал пленный красноармеец. Шестые замыкал второй конвойный солдат, совсем юный парень, мальчишка.

Несколько раз останавливали их патрули. Пожилой солдат, чертыхаясь, подробно рассказывал о том, где и при каких обстоятельствах был взят в плен красноармеец.

Патрульные солдаты главели на пленного и неизменно удивлялись: как это удалось взять в плен ни разу не раненого красноармейца...

— А вот так и удалось: раз два и — готово! — еще более выкатив глаза, отвечал пожилой конвойный. — Уметь надо! Я — старый солдат!..

Конвой привел пленного в помещение штаба немецкой части.

Начальник штаба, майор, совершенно лысый человек с полным ртом зубов из нержавеющей стали, поднял голову от карты-двухверстки.

— Разрешите доложить, господин майор: вот этот русский разведчик... начал было старший конвойный.

— Не надо докладывать: все ясно. Попался, голубчик? — обратился майор к пленному, переходя на довольно чистый русский язык. — Какой части?

Красноармеец молчал, глядя куда-то поверх головы немца.

— Не желаешь отвечать? Значит, желаешь, чтобы мои ребята сделали из тебя котлету?.. Отвечай: сколько батальонов обороняют район Липки?

Красноармеец молчал. В руках немца хрустнул переломленный пополам карандаш.

— Можешь не отвечать, прыжная русская свинья! Мне совершенно безразлично, батальон там у вас или целая дивизия. Уже отдано распоряжение подтянуть туда танки и завтра утром начать обход с правого фланга!

— Вот это уже интересно! — совсем неожиданно произнес красноармеец. — Наконец-то вы заговорили. А я уже начинал думать, что из этого вопроса ничего не получится...

Красноармеец взял стул, не принужденно сел на него и закурил папироску.

Немец на мигнул ошелен. Багровая краска залила его обрюзгшие щеки и всю его гигантскую лысину. Он вскопчил:

— Как?! Что ты сказал?! Вставай! Солдаты! — майор перешел на немецкий язык. — Вот ты, милый солдат: бей этого наглеца прикладом по голове!

— Извинюсь... на чистейшем русском языке ответил молодой солдат, — я в немецком

языке разбираюсь слабо. Это вот наш старшой — он действительно может выразиться на всех языках. А со мной вы уж лучше по-русски скажите.

— Что?! Откуда ты знаешь русский язык?!
— А я из Калининской области, Верхушинского сельсовета, колхоза «Красный луч». Там у нас все говорят по-русски...

— Васятка! — перебил его красноармеец. — Что у тебя за свирепая привычка разговаривать с незнакомыми немецкими майорами на посторонние темы?..

— Извиняюсь, больше не буду...
— Что это за комедия? — прокричал майор. — Вы, старый солдат, объясните мне: в чем дело?..

И тут выяснилось, что старый солдат тоже неплохо владеет русским языком...

— Видите ли, господин майор, — сказал старый солдат, — это вовсе не комедия: это партизанская смекалка... Нам было поручено добыть «языка». Но мы даже сами не ожидали, что этот язык окажется таким длинным, что разболтает все о готовящемся контр наступлении на Липки... Но — тихо! Не надо кричать, звонить и стрелять. Давайте, как говорится, без звуков сладких и молитв... Положите эту карту в вашу полевую сумку: она нам пригодится. Вася! Возьмите вдвоем с товарищем Кузьмой по возможности все документы. Одевайтесь, майор: нам предстоит небольшая гувеселительная прогулка...

— Какая прогулка?! Куда прогулка? — обалдело тарачил глаза немец.

— Ничего особенного: небольшое турне в Липки... Мы все вместе выйдем, вы вызовете штабной автомобиль, и мы поедем. Вашего шопера мы не будем утруждать. Вася отлично справляется с любой машиной, а по части ваших штабных машин у него очень большая практика... Поедем мы якобы в штаб корпуса, допрашивать пленного красноармейца. Если у вас есть принципиальные возражения, то котлету из вас делать мы, конечно, не будем, но...

— Но, — перебил Вася, — можем из вас сделать бублик с дыркой во рту...

— Вася! Опять ты с майором заговорил на посторонние темы...

— Извиняюсь...

Через несколько минут штабной немецкий автомобиль под водительством Васи лихо развернулся у колесца. Немецкий майор сидел в машине прямо, только чуть откинувшись в правую сторону: это потому, что у левого бока он хорошо чувствовал жесткий ствол тувльского пистолета...

— Извиняюсь...

— Извиняюсь...

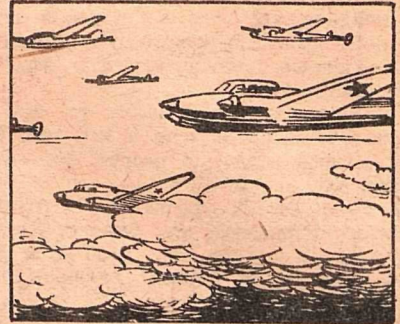
Через несколько минут штабной немецкий автомобиль под водительством Васи лихо развернулся у колесца. Немецкий майор сидел в машине прямо, только чуть откинувшись в правую сторону: это потому, что у левого бока он хорошо чувствовал жесткий ствол тувльского пистолета...

Алексей РЕЗАПКИН

Фрау и герры, вв

НА РАЗН

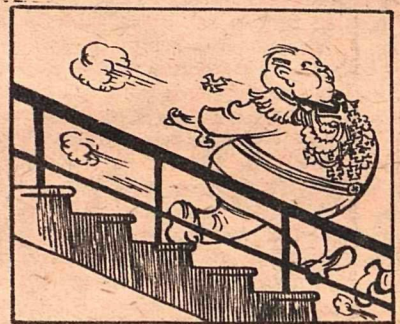
Рис. Д. Бабиченко



Вышли на прямой курс.



Прицельно



Вышли на прямой курс.



Прицельно

Рис. Бор. Ефимова



ГЕББЕЛЬС: — Мои сотрудники разрываются на части, стараясь доказать, что советская авиация начисто уничтожена.

Метки

(По столбцам крас

НОВОЕ В БОТАНИКЕ

— Тойво Суярви, какие растения относятся к злаковым?

— Сосна, господин учитель.

— На каком основании вы причисляете сосну к злаковым?

— На том основании, господин учитель, что с тех пор, как в Финляндию пришли солдаты Гитлера, наша семья ест хлеб только из сосновой коры.

(«На защиту родины»)

ПУГАННЫЕ ВОРОНЫ

— Эй, Ганс, влезай на дерево да нарви яблоков... Ну, чего ты трусишь?..

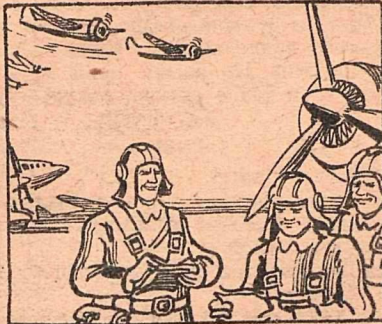
— А ты уверен, что эти яблоки не взрыва-

душная тревога!..

Х ВИСОТАХ



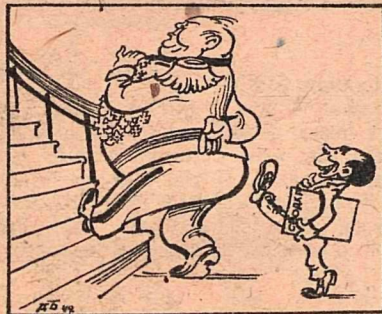
отбомбились.



И вернулись на свои базы.



отбомбились.



И вернулись на свои базы.

Рис. Г. Валька



Очередной налет... немецких газет.

ударом

ноармейской печати)

ются?.. Пронеси-ка сначала яблоно из автомата: не пританулся ли в листве партизан.. Куда ты, Фриц, убегаешь?

— Да ведь этот партизан, может быть, слышит твои слова!..

(«Красноармейская звезда»)

ТУПИК

— У меня горе. Я должен разорваться на части.

— Что такое, Фриц?

— Моя обязанность — всюду сопровождать господина полковника, а части его тела разбросаны в разные стороны русскими снарядами.

(«Красноармейская звезда»).



— В сентябре простоев на нашем заводе будет меньше.
— Ты надеешься?
— Уверен. Ведь в сентябре 30 дней, а в августе было 31.

Астрономия

КАКАЯ такая ваша профессия? — не веря своим ушам, переспросил меня старшина хоззвода товарищ Гаркушенко.

— Астрономия, — скромно повторил я.

— Стало быть, вы коня в двуколку запрягать не умеете? Лицо старшины ясно выражало: «За что ты меня, судьба несчастия, такими бойцами награждаешь?»

Чтобы подбодрить старшину, я молодецкато сказал:

— Я, товарищ старшина, к коню ближе четырех метров еще не подходил.

— Ага.

После этого разговора старшина стал ходить по начальству и предлагать меня и мою профессию в обмен на ездового.

Интендантам Гаркушенко говорил:

— Есть у меня боец, звезды считать умеет. Вполне за кладовщика сойдет.

А в санчасти он доказывал:

— Их профессия очень подходяща для медицины, и боец сообразительный...

Но все, узнав, что я астроном, отказывались категорически. Только старший повар оказался человеком с широкими понятиями:

— Гастрономия или астрономия — это все одно. Пускай котлы чистит и днєвалит по кухне.

И я попал под начальство повара товарища Груша. Я нес службу добросовестно — и котлы блестяще, как звезды на заре.

Гаркушенко не оставил это без внимания. Он вызвал меня к себе в землянку и вручил заржавевший немецкий автомат:

— Поскольку вы удивительно спраетесь, изучите это оружие и обучите всех наших «астрономов»...

«Астрономами» в хоззвезде начали звать всех бойцов, подобных мне. Сюда относились: один художник, два биолога, дамский парикмахер и преподаватель танцев.

Через неделю старшина проверил наши стрелковые качества и опять удивился:

— Так вы же, выходит, способный народ! Я вас сегодня же на передовую поведу, раз такое дело.

Вечером старшина вручил каждому из нас по тяжелому термосу с горячей кашей и чаем и повел гуськом по тропке через лес на передний край. Дошли мы до болота и слышим — кругом нас подозрительный шорох и хруст. Старшина дал знак лечь и приготовиться. Это была немецкая засада. Немцы все ближе ползут к нам, прижимая нас к болоту. Старшина командует: «Огонь!»

Я даю из автомата немецкого, старшина — из русского, биолог бросает гранату, а художник и остальные бьют из винтовок.

— Отходить к болоту, — командует старшина, — под командой Вернева, а я и Смольников (парикмахер) будем прикрывать.

Я, отстреливаясь, веду шестерых бойцов к болоту и слышу голос Гаркушенко:

— «Астрономия!» Термоса ни в коем разе не бросать!

Идем по болоту неизвестно куда, а старшины все нет. Вода вонючая, по пояс, ноги вязнут, термосы давят спину, пот катится, и автомат руки отрывает.

Поднял я глаза к небу, посмотрел на звезды, затем на часы и приказываю:

— За мной, «астрономы», я вас выведу к нашим!..

Утром мы встретились со старшиной у нашей кухни. Я слышал, как он говорил командиру роты:

— Товарищ старший лейтенант, я кого хотите передам в обоз, но этих бойцов позволите оставить. Это же орлы. С ними куда хочешь. Они без компаса в любое место придут. Астрономия — это же вполне военная наука...

— А преподаватель танцев? — сказал старший лейтенант.

— Все одно, раз стойко воюет.

После этого разговора нас, «астрономов», к огорчению старшины, перевели в разведчики. И говорят, что лучшие разведчики из нас — это наш биолог и... астроном. Не будем скромничать на этот раз.

М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

Рис. А. Баженова



— Бедный Ганс! И подумать только, что за свою короткую жизнь он успел организовать только одну курочку.

Черноморский бушлат

Знакомы нам грома раскаты
И ветра отчаянный свист.
Матросов, одетых в бушлаты,
Бойтся проклятый фашист.
Мы в песнях не будем забыты,
И с нами — наш вечный наряд:
Бессмертную славою покрытый
Родной черноморский бушлат.
Эх, Черное море,
Любимое море!
Высок и могуч твой накат.
На грозном линкоре,
В кубанском просторе
Ты с нами, наш черный бушлат!
Одесса нас помнит и знает.
В Одессу вернемся мы вновь.
На ветер моряк не бросает
Горячих, решительных слов.
Смертельного шквала сильнее,
Матросы фашистов сметут.
И снова бушлаты, чернея,
По вольной Одессе пройдут.
Припев.
За свой Севастополь стояли

Железной стеной моряки.
Мы сотни атак отбивали,
Без счета ходили в штюки.
Мы немцев прогоним из Крыма,
Вернем Севастополь назад.
Опять на бульваре любимом
Появится черный бушлат.

Припев.

Деремся в предгорьях Кавказа,
В донских и кубанских степях,
Фашистскую злую заразу
Потопим в советских морях.
Имеет морская пехота
Отважное сердце в груди.
Бушлат Черноморского флота
Всегда и везде впереди.
Эх, Черное море,
Любимое море!
Высок и могуч твой накат.
На грозном линкоре,
В кубанском просторе
Ты с нами, наш черный бушлат.

Сергей АЛЫМОВ

Самое дорогое

1

«Дорогая Марта!
Наш общий друг обер-лейтенант Карл Мердер убит на Кубани. Такая же участь постигла нашего подполковника Шиккера.
Я еще жив. Но жизнь меня мало радует.
Мы несем такие потери. Ужас! Ужас!»

2

«Дорогая Марта!
Батальон, которым я командовал, полностью разгромлен. Русская артиллерия не дает нам ни минуты покоя.
Снаряд попал в мою автомашину и разнес ее в клочья.
Я в это время не был в машине и поэтому остался жив.
Но жизнь меня мало радует.
Такие потери! Такие потери! Ужас!..»

3

«Дорогая Марта!
Россия — это очень страшная страна. Сегодня рано утром миной разорвало майора Кратца. От него остались только левая нога и два чемодана. Я так был привязан к майору! Я сохранил себе на память его чемоданы.
Ужас! Ужас! Но сейчас, как никогда, я полон бодрости и окрылен надеждой...»

4

«Дорогая Марта!
У меня опять настроение испортилось. Я понес большие потери от русской авиации. Группа пикирующих бомбардировщиков противника атаковала мой штаб. Много убитых и раненых солдат и офицеров.
Моя новая машина разбита. Я случайно уцелел.
Но жизнь опять мало радует меня.
Ужас, какие потери...»

5

«Дорогая Марта!
Война — это страшная штука. Каждый из нас несет огромные жертвы!
Я еще жив. Но что стоит такая жизнь? Ведь я потерял здесь самое близкое, самое дорогое.
Непоправимая утрата...»

6

«Дорогая Марта!
Трудно писать. Земля дрожит. Рука дрожит. Мой батальон отступил. Я опять потерял... Очень многое потерял. Самое дорогое...»

7

«Дорогая Марта!
Какая ты дура! Что ты там расхныкалась в своем письме?
Да, я понес большие потери. Они меня очень огорчают. Но я уже получил пополнение. У меня сейчас новых три чемодана, набитых всяким добром, которые я организовал в России.
А ты думала, что я так огорчен смертью обер-лейтенанта, майора или этих безмозглых моих солдат. Неужели ты меня считаешь идиотом?
Я имел в виду мои чемоданы, разорванные в клочья русскими минами и снарядами.
Ведь я же тебе точно писал, что потерял на фронте самое дорогое. Самое дорогое! А ты это поняла чорт знает как. Эх, ты!..»

Г. РЫКЛИН

ИСПОРЧЕННАЯ КАРЬЕРА

— За что так понизили генерала фон Ферца? Ведь он командовал дивизией, а теперь — только батальоном.
— Его не понизили. Просто у него от дивизии остался батальон.

(«За родину»)

Как достали «языка» при помощи «петуха»

В Е Т Е Р А Н

В Румынии полиция производит массовые облавы на дезертиров.

Рис. К. Елисеева

Разведчики Шелгунов и Кондратьев пошли за «языком». На окраине деревни они заметили часового. Кондратьеву пришла в голову дерзкая мысль. Он пробрался в сарай и закричал оттуда по-петушиному. Это привлекло внимание немца, видимо, соскучившегося по курятине. Он пошел в сарай. Кондратьев неожиданно набросился на немца и взял его в плен.

На деревне все уснули.
Улеглись и стар и мал.
Фриц стоял на карауле,
О курятине мечтал.

Жизнь ему казалась адом,
Был язык от жажды сух...
Вдруг он слышит: где-то рядом
Кукарекает петух.

Потекла слюна у Фрица.
Бросив пост, в сарай летит,
Чтоб домашней вкусной птицей
Утолить свой аппетит.

Только... Что за чертовщина?
Фриц не ждал подобных сцен:
Перед ним стоит мужчина
И велит сдаваться в плен!

Фриц, внимая русской речи,
Шепчет: «Что за чепуха?!»
Перед ним стоит разведчик,
И не видно петуха.

...Над деревней солнце встало.
Спинул Фриц: ищи-свищи!
О курятине мечтал он,
А попал, как кур, во щи!

Сергей ШВЕЦОВ

Западный фронт.



— Вот тот парень в восьми боях участвовал, пять раз из окружения выходил, два раза был ранен...
— Кто он: пехотинец или кавалерист?
— Нет. Дезертир.

Полевая почта №...

Артиллеристы угощают

ВМЕСТО ТРЕХ МЯЧЕЙ ТРИ СНАРЯДА

Немцы устроили футбольный матч. Стадионом служило обыкновенное поле. Оно было расположено за лесом, на месте, трудно просматриваемом с нашей стороны. Возможно, оно так и осталось бы и сегодня необнаруженным, если бы не разведчик Толстых.

Он выбрал для себя наблюдательный пункт на этот раз на высоком старом дубе и обнаружил матч.

Игра была в самом разгаре. Увлеченные игрой, немцы бегали по полю, гоняясь за мячом.

Первые три снаряда угодили в ворота. Голкипер взлетел вверх. Футболисты совсем растерялись. Они стояли в страхе, как вкопанные столбы, среди поля. Покамест игроки сообразили, в чем дело, на их головы полетели четвертый, пятый, еще и еще снаряды. 22 футболиста и другие 50 болельщиков нашли себе смерть на стадионе.

Стреляло орудие сержанта Мокрыня.

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Сержант Бик Багомедов — природный физкультурник. Это — сильный, отлично развитый двадцатидвухлетний парень, до войны увлекавшийся боксом. Вырисовывающиеся под гимнастеркой крепкие, словно литые мус-

кулы являются лучшим доказательством. На счету у сержанта 48 истребленных немецких солдат и 2 офицера.

Давненько не приходилось Багомедову заниматься боксом. Но вот неожиданно представился случай потренироваться, испытать точность и силу удара своих кулаков. И получилось неплохо. Крепкие кулаки!

Багомедов неожиданно напоролся на немецкую засаду. Как из-под земли выросли перед ним пять фрицев и, радуясь легкой добыче, довольно завопили:

— Сдавайся, рус!

Сперва Багомедов оторопел. Автомат был за плечами. Но не прошло и доли секунды, как он в упор расстрелял из автомата двоих фрицев. Но остальные выжили у него из рук автомат. Увидев советского бойца безоружным, немцы зло захохотали. Но рано смеялись фрицы!

Багомедов ловко увернулся от занесенного над его головой удара лопаты и нанес ближнему немцу такой удар кулаком по челюсти; что тот повалился на землю. Этому удару позавидовал бы любой боксер!

Одновременно сержант ударил сапогом в живот четвертого. Пятый побежал, но его догнала меткая пуля. Оглушенного ударом немца Багомедов крепко схватил за шиворот и приволок в полк. Челюсть у фрица была сворочена.

Рано смеялись немцы!

БАНЯ С АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ПАРОМ

Фрицы задумали помыться в бане. Баню устроили в деревне Л., в третьем доме без крыши, от церкви справа.

Примерно в полдень наблюдатель красноармеец Сальников обнаружил:

— Из деревни С. по дороге на деревню Л. идет строй — до роты солдат.

— Наблюдение продолжать!

Рота пришла в баню. Немцам дали спокойно раздеться.

Наблюдая в стереотрубу, командир дивизиона капитан Кузовкин, улыбаясь, заметил:

— Э, так у них сегодня холодная баня, совсем без пара. Ну, что ж, ради уважения к господам арийцам придется поддать пару, — и приказал старшему лейтенанту Игнатьенко: — Командир батареи, огонь!

Гремят три пристрелочных выстрела. Перепуганные фрицы кто в чем — голые и полуодетые — бросились кто куда. Они как сумасшедшие шарахнулись по сторонам, лезли один на другого, падали, подымались и без оглядки бежали по полю. Это было поистине смехотворное зрелище. Цель накрыта. Вслед гремят четвертый, пятый, пятнадцатый залпы. Сраженные фрицы падают замертво. Всего их было уничтожено 90 человек.

В. МОСКАЛЕНКО,
старший сержант

Восточный фронт.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

А 61641

Москва, Изд. № 714.

Подписано к печати 16/Х 1942 г.

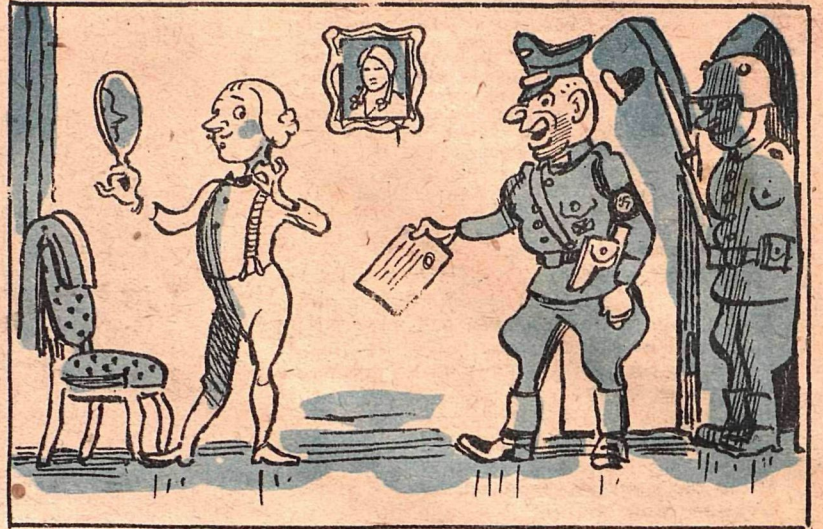
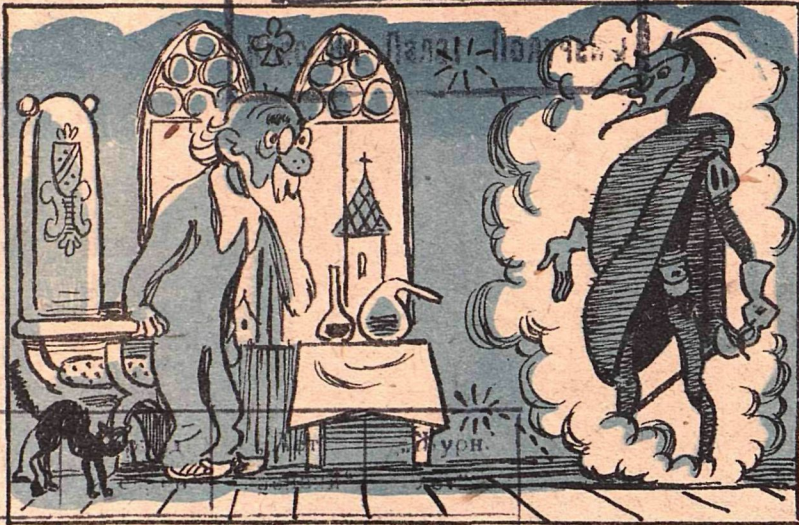
Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2510. Тираж — 200 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

29 СЕН 1947

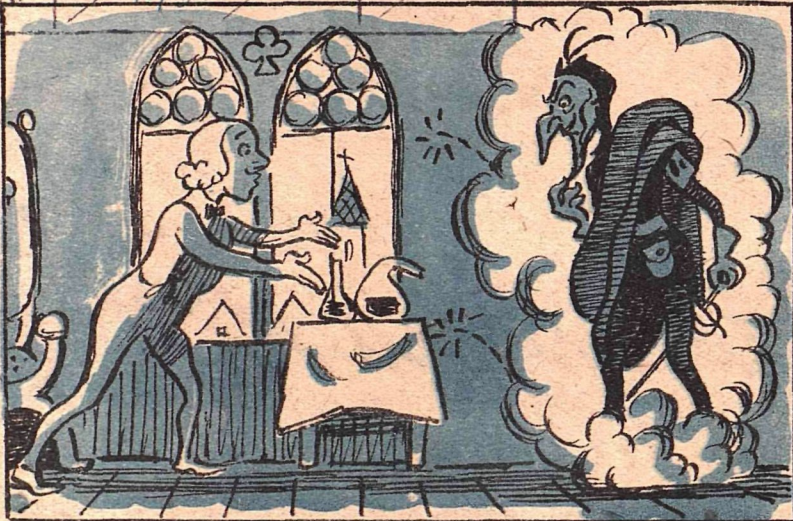


Подуч.
в ред.

Старый Фауст влюбился в юную Маргариту. Он вызвал к себе Мефистофеля и, дрожа от нетерпения, попросил дьявола сделать его, Фауста, снова молодым.
— Пожалуйста, — сказал Мефистофель, — для меня это — раз плюнуть. А цена известная — ваша душа.

— Вот молодец какой! Ни одной морщинки не оставил! — восхищался Фауст работой Мефистофеля, любясь в зеркало своим молодым, свежим лицом. — Побегу скорее соблазнить Маргариту!
Но тут в комнату Фауста ввалились штурмовики и вручили ему призывную повестку.

30/IX
13/5-49



Но Фауст не растерялся. Когда штурмовики ушли, он опять вызвал Мефистофеля и стал умолять дьявола превратить его снова в старика.

— Чорт с ней, с Маргаритой! — повторял Фауст, дрожа от нетерпения. — Жизнь дороже. Ведь они хотят отправить меня на русский фронт!

Мефистофель согласился снова сделать Фауста стариком — за ту же цену.

Однако это превращение не помогло бедняге Фаусту: в связи с большими потерями на русском фронте, в армию призвали даже таких стариков, как он.



Фаусту повезло. Он вернулся с фронта живым, хоть и калекой, на костылях. И здесь страсть к юной Маргарите с новой силой вспыхнула в его сердце. Он вызвал к себе Мефистофеля и, бормоча извинения, стал просить у него помощи.

— Ладно уж, — сказал Мефистофель, — так и быть, помогу вам как инвалиду войны.

Обрадованный Фауст помчался, стуча костылями, к Маргарите и, дрожа от нетерпения, заглянул за забор ее дома. И что же он увидел?.. Очередь штурмовиков у двери Маргариты и красотку в окне, в объятиях здорового эсэсовца. Маргарита выполняла директивы гестапо и как чистокровная арийка честно трудилась, чтобы восполнить потери немецкой нации. Фауст грохнулся замертво на землю и отдал душу Мефистофелю.

ЮГДХФ 41